

Илья Новиков

Пора на млечный свет

Волынь

Остался памятник
И нежелание о прошлом знать.
Качнётся маятник,
И не дай Бог таким же прошлым стать.
Петляет лесенка
От вечной тьмы до златоснежных врат.
Гуляет песенка
Кузнечика меж сонных рош и хат.
Согреет солнышко
Пристанища замученных людей.
Обронит зёрнышко
В травы венок певучий соловей.
Осядет высенец,
Укутав бахромой лесной ручей,
Огарки виселиц
И тени кровожадных палачей.
Качнулся маятник,
И не дай Бог нацизмом воспылать.
Остался памятник
Под тучами свинцовыми стоять.

Вора бей!

Висела капля над каскадом крыш,
Сверкая солнцем вымокшего дня.
Ей любовался ангельский малыш,
Ей шурилась на марше солдатня.
В себе она перевернула мир,
И он перевернулся в ней вверх дном —
Культурным очагом восстал фронтир,
А бедный стал приличным богачом.
Всмотрелись зеркала людей в людей,
Сбылись мечты, свершились чудеса.
Цвели цветы, лишённые корней,
Несли морскую пену небеса.
Вдруг каплю, отражающую мир,
Проворно выпил рыжий воробей.
Тогда с ума сошёл земной эфир,
Вещающая шум: «Бей вора! Вора бей!»

Москва прощается с поэтами,
Умыв апрель дождём косым.
Москва смеряется планетами,
Катая их по мостовым.

Москва с поэтами останется
В печёнках, в сердце, в головах.
Кому беда, кому избранница,
Кому янтарь на облаках.

Человек замёрз

Я ступаю на хрупкий лёд.
Подо льдом моя песня спета.
В тихом омуте тёмных вод
Черти топят за лучик света.

Неуклюже скольжу по льду,
Притворяясь, что так и нужно.
В полусонном бреду бреду;
Обезличенный, безоружный.

По лицу бьёт колючий снег,
Лёд трещит, замерзают ноги.
Где-то должен быть человек,
Но вдали только пень двурогий.

Упираюсь в прибрежный вал.
Разбегаюсь, лечу в сугробы.
Так до ночи и проскакал
На краю ледяной утробы.

Отдохну и с утра опять
Попытаюсь забраться выше.
Засыпая, успел понять,
Что чертей под водою слышу.

Мне явился бродячий пёс,
Ткнувшись носом холодным в ухо.
Он сказал: «Человек замёрз», —
А потом я лишился слуха.

Левиафан

Мы все приснились великану,
Заснувшему на облаках,
Чей сон, подобно океану,
Качает звёзды на волнах.

Качает влево—яхты топят.
Качает вправо—губит рыб.
А в штить подобно квасу бродит,
Хватая солнечный бэд-трип.

На глубине штормит кораллы;
Во всех ракушках белый шум.
Нон-стоп пиратят бездну тралы;
В маяк заехал шоурум.

Мы все исчезнем, как фантомы,
Когда проснётся великан.
Ты, может, спросишь: «Слышь, а кто мы?»
Мы сонм его безбрежных ран.

Зима на Востоке

Когда-то я жила
На берегу Байкала
И вечное «бла-бла»
На веру принимала.

Теперь Байкал со мной,
Шипит в стеклянной кружке
Под фосфорной луной
В убогой комнатухе.

Теперь и я шиплю
Лисой дальневосточной.
Играю ритм-энд-блю
На трубах водосточных.

Мне вторит товарняк,
Мне подпевает вьюга,
И хор худых дворняг,
И даже центрифуга.

Я горе-дирижёр
Домашнего оркестра.
Леплю гряде озёр
Из дрожжевого теста.

Сигналю простынёй
На маленьком балконе,
Бессмысленной фигнёй
Страдаю в телефоне.

Всё стерпит Интернет;
Прикрасит все пороки,
И мой фотопортрет,
И зиму на Востоке.

Скорей бы ты пришёл
С работы ненавистной,
Пускай хоть трижды зол.
Мне нужен кто-то близкий.

Дивный мир

Знают ли камни, куда упадут?
Видят ли звёзды, куда нас ведут?
Нам ли неведомо бремя чудес?
Нами покинут родительский лес.

Помнят ли песни, о ком их поют?
Чуют ли судьбы, во что их вплетут?
Крутится-вертится над головой
Опыт, дарованный вечной тоской.

Верят ли сказки в плохие концы?
Делят ли царство живых мертвецы?
Море удачи волнуется—раз.
Море всё дальше и дальше от нас.

Прячут ли ангелы нужных людей?
Любят ли кроны держаться корней?
Хочется жить вопреки новостям,
Перерастая себя по частям.

Много ли жизней у наших имён?
Многих ли мы никогда не вернём?
Долго ли выгореть целой страной,
Лица друг друга запачкав золой?

Тает ли в небе последний закат?
Банят ли павших у замкнутых врат?
Вспыхнет чернящий узор над землёй.
Спи, дивный мир. Я прощаюсь с тобой.

Разговор о вечном

Так много темноты,
Но свет на кухне млечен.
Так много тем, но ты
Заговорил о вечном.

Пора на млечный свет.
Пора проветрить спальню
От запахов конфет
И тишины сакральной.

На кухню за тобой
Вползает самоедство
С квадратной головой—
Не лучшее соседство.

Скрывают свет углы,
Затягивая стены,
Вокруг табачной мглы
И мёртвой хризантемы.

Объят любимый сор
Пожаром многолетним.
О вечном разговор
Жужжит подбитым слепнем.